

18+

ДЕНИС МОИСЕЕВ

Вселенские Кружева

Денис Моисеев

Вселенские кружева

«Издательские решения»

Моисеев Д.

Вселенские кружева / Д. Моисеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560015-8

С самого рождения, наша жизнь окутана невероятными событиями, удивительными историями и смешными ситуациями. И надо лишь на мгновение остановиться, присмотреться, прислушаться, чтобы увидеть их и почувствовать. Чтобы успеть кого-то понять, простить, помочь...

ISBN 978-5-00-560015-8

© Моисеев Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Мастер	6
Запой	8
Пообщались	9
Массовка	11
Есть Бог-то...	13
Александр Рогожкин	15
С днем кино	17
Дедушка Мороз	19
Хвалите актеров, хвалите...	21
Кофе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вселенские кружева

Денис Моисеев

© Денис Моисеев, 2022

ISBN 978-5-0056-0015-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мастер

– Тебе не надо учиться.– Актёр допил виски, ударил пустым стаканом об стол и пристально посмотрел на молодого человека. – Ты в порядке. Главное – талант. А он у тебя есть.

После такого убедительного заявления молодой человек допил вино и улыбнулся, совершенно позабыв, как буквально минуту назад вздыхал и сетовал на то, что ему очень сильно не хватает опыта в кино. Ведь это его первая работа в кинематографе. А навык квинщика здесь не всегда выручает.

Мы, все, присутствующие в комнате, в недоумении переглянулись и уставились на нашего товарища.

– Чего? – возмутился актёр, видя наши растерянные взгляды. – Не надо ему учиться. Он в порядке!

Возможно, для данного проекта было бы достаточно лишь опыта комика, хотя молодой человек уже неоднократно оказывался в затруднительном положении на площадке, не понимая, как существовать в кадре, но в более серьёзной картине он просто «поплывёт».

Все наши доводы и доказательства в пользу необходимости получения образования разбивались о непреступную скалу отрицания нашего коллеги.

– Ему учиться не надо! Он в порядке! Главное – талант!

Продолжать дальнейший разговор было бесполезно.

Оставшись каждый при своём мнении, мы разошлись по комнатам готовиться к завтрашней смене.

Подымаясь к себе в номер, вспомнил одну историю, рассказанную моим другом.

Он находился в своём вагончике на съёмочной площадке, когда раскрылась дверь, и, не утруждая себя даже элементарным приветствием, молодой «актёр» прямо с порога заявил, что мой друг, взрослый, абсолютно ему незнакомый человека, «Лошара»!

Друг, опешив от такого заявления, застыл, а уверенное в себе молодое дарование продолжало:

– Сколько ты учился?

– В общей сложности около двенадцати лет. Сначала актёрские курсы, потом театральный институт, где получил диплом актёра, потом ещё режиссёрский факультет и аспирантура. – Улыбнулся мой друг, абсолютно уверенный, что этот послужной список произведёт должное впечатление на вопрошавшего и поубавит его спесь.

И он произвёл...

– Ну вот, я же говорю, ты Лошара. На фига столько надо было учиться? Я закончил двухнедельные курсы. У меня уже два полных метра и три сериала...

«Самое неприятное, – думал я шагая вверх по лестнице, – что против этого аргумента не попрёшь. Сегодняшняя действительность диктует свои правила. Может, поэтому у нас сейчас такое качество книг, фильмов, музыки, передач, да и образования в целом...»

Знание, умение и понимание своего дела никому теперь не нужны. Главное – «срубить бабла» побыстрее, а там трава не расти.

Утром, на площадке, была незатейливая сцена, где наши герои встречаются с героем молодого человека, того самого комика, которому вчера пели дифирамбы о его таланте.

У него была фраза, состоящая из набора слогов, которыми наши персонажи периодически общались. Что-то типа «Ля-ля-ку-ку».

Наша речь на площадке иногда походила на речь Элочки-Людоедочки из «Двенадцати стульев», где одно слово может трактоваться по-разному, в зависимости от контекста и интонации произношения.

В этой сцене эта фраза подразумевала обычное приветствие.

Всё проговорили. Отрепетировали. Начали снимать. После первого дубля режиссёр подходит к молодому человеку и просит произнести эту фразу чуть веселее.

Сняли ещё дубль. Снова режиссёр обращается к нему.

– Хорошо. Можешь так же сказать, но чуть поярче?

Отсняли ещё вариант. Режиссёр снова оказывается рядом с нами и обращается к комику.

– Всё отлично. Попробуй теперь чуть удивлённее сделать.

Ещё дубль позади. Режиссёр явно чем-то недоволен. Не получается что-то.

– А можешь то же самое сказать, только весело и удивлённо одновременно?

Молодой человек застыл:

– Это как?..

5 ноября 2021 г. (7529 Лето)

Запой

– Понимаешь, – обратился ко мне режиссёр задумчиво, я бы даже сказал, отрешённо, глядя на зелёные холмы, утопающие в тяжёлых, обволакивающих облаках.

– Запой... – это когда ты пьёшь, не просыхая, несколько дней.

Он тяжело вздохнул. Было совершенно очевидно, что этот человек знает, о чём говорит, не понаслышке. Его голова опустилась, а голубые глаза печально сомкнулись.

Мы замолчали. Он погрузился в свои думы, а я смотрел на удивительный переливающийся пейзаж, раскинувшийся перед нами.

– Недель.

Нашу идиллию нарушил чуть хриплый мужской голос.

Режиссёр вышел из оцепенения и поднял голову. Рядом с нами сидел взрослый, уже седовласый, актёр с белой бородой.

– Что? – Режиссёр прищурил глаза.

– Недель, – мужчина улыбнулся.

– Что недель? – не понял режиссёр.

– Ну, я говорю, запой – это когда ты пьёшь, не просыхая, подряд не несколько дней, а несколько недель.

Помолчав, актёр перестал улыбаться и добавил:

– А иногда и несколько месяцев...

Режиссёр вдруг встрепенулся, взгляд его оживился, и он внимательно посмотрел на моего коллегу. Потом неожиданно вскочил со стула и стремительно куда-то направился, растворившись среди съёмочной группы.

Какое озарение пришло в его гениальную голову, можно было только догадываться. Добавлю лишь, что весь оставшийся день режиссёр, поймав взглядом моего коллегу, останавливался и подолгу, с уважением, даже каким-то трепетом, смотрел на него своими бирюзовыми печальными глазами...

18 октября 2021 г. (7529 Лето)

Пообщались

Что может быть прекраснее человеческого общения? Когда ты видишь глаза собеседника. Слышишь его голос, смех, видишь огонёк его глаз. Это настоящее счастье.

Уверен, что именно так и думал мой знакомый актёр, залезая в машину, когда мы вместе отправлялись на съёмки.

– Как здорово, что и ты тоже летишь! – обрадовался он. – Вместе-то веселее! Хоть пообщаемся. А то я всё время один да один. Скучно.

– Да, – согласился я и пожал протянутую ладонь.

– Ты про волка анекдот слышал? – улыбнулся он.

Я отрицательно покачал головой.

– Приходит волк на бал... – начал он, но в этот момент у него зазвонил телефон.

До аэропорта мы доехали быстро. По ночам Питер совсем пустой. Мой коллега беседовал по мобильному, а я смотрел в окно, пытаюсь ухватить ускользающую красоту города.

В Пулково, когда мы прошли регистрацию и сдали багаж, мой коллега вернулся к началу анекдоту.

– Так вот, приходит волк на бал...

Но его прервал звуковой сигнал очередного оповещения. Он достал свой айфон проверить почту и спустя несколько минут полностью ушёл в бескрайние просторы Интернета. Я не стал ему мешать. Хотя, если честно, мне уже было любопытно услышать эту историю.

Я поднял голову и посмотрел вокруг. Почти все пассажиры, ожидающие своих рейсов, сидели, уткнувшись в телефоны и планшеты. Вот он – XXI век. Эпоха всемирной паутины...

Я отошёл выпить кофе и поэтому, когда объявили посадку, зашёл на борт одним из последних. Мой знакомый уже сидел в кресле в наушниках и с планшетом в руках. Наши места были рядом, но по разные стороны прохода.

Садясь в своё кресло, я хотел поинтересоваться: «Что там насчёт волка?» Но, увидев, как он уже поглощён фильмом, понял, что опоздал.

Я вздохнул и посмотрел в окно.

Моим соседом с другой стороны оказался молчаливый молодой человек. Как только мы пристегнули ремни и самолёт медленно покатился к взлётной полосе, он тоже достал телефон.

«Да, без гаджетов теперь никуда...»

Включив на мобильном видеозапись, парень направил его на иллюминатор.

«Первый раз летит», – усмехнулся я.

За окном было очень красиво. Белые лайнеры, подсвеченные мощными прожекторами, казались в этой темноте большими птицами. В этом было что-то завораживающее.

Когда мы взлетели, мой сосед продолжал держать свой гаджет возле окна. Видимо, его не смущало, что за бортом было черным-черно.

Принесли обед.

Я повернулся к своему знакомому. Теперь-то он отложит планшет, и я дослушаю анекдот до конца. Но этого не случилось. Он уже спал с включённым планшетом.

Я взглянул в иллюминатор. В нём по-прежнему была темнота. В темноте – мобильник. А рядом с телефоном – безмолвный сосед.

Паноптикум какой-то...

За время полёта я успел поесть. Почитать. Поиграть на телефоне. Повторить текст. Мельком посмотреть кино у своего спящего знакомого на планшете...

Мой же сосед у окна ни на минуту не выпускал своего мобильного из рук.

Через три часа мы приземлились. Вдали показались самолёты и здания аэропорта. Мой коллега проснулся и, потягиваясь, начал собирать вещи. Сосед справа продолжал снимать

видео. Я не выдержал и решил подшутить над ним. Протянув с серьёзным видом ему свой телефон, тоже попросил заснять самолёты. Парень внимательно посмотрел на меня, пытаясь понять, так ли сильно мне нужны эти кадры. Но моё лицо было настолько открытым и искренним (недаром я столько лет оттачивал актёрское мастерство), что, немного помедлив, он целых десять минут честно держал оба телефона у стекла. Я еле сдерживался, чтобы не засмеяться. И только когда самолёт полностью остановился и заглушил двигатели, парень опустил руки.

В конце концов я не смог унять своего любопытства и, уже спускаясь по трапу, спросил:

– Простите. Скажите, зачем вы всю дорогу снимали на видео полёт?

Молодой человек обвёл меня с ног до головы испытывающим взглядом и с каменным лицом ответил:

– Пospорил.

Он зашагал к зданию аэропорта, а я, замедлив шаг, смотрел ему вслед...

Когда сели в машину, мой коллега наконец-то вернулся к анекдоту.

– Приходит волк на бал... Блин, забыл, прикинь... Так хотел рассказать тебе, и не помню...

До гостиницы мы добирались молча. Мой коллега напряжённо пытался найти анекдот в Интернете, а я смотрел на первые лучи восходящего солнца, желая разобраться во всём многообразии человеческих душ.

Когда машина, наконец, остановилась, он открыл дверь и сказал:

– Я, когда вспомню, расскажу.

Потом, уже перед входом в гостиницу, добавил:

– Здорово всё-таки, что мы вместе летели! Хоть пообщались.

24 июня 2020 г. (7528 Лето)

Массовка

Осень – удивительная пора.

Вот как-то, помню, лет двадцать назад пришёл я таким же осенним золотым денёчком на съёмочную площадку, а там всё честь по чести, как положено: «светики» прожектора направляют, художники кадр улучшают, дольщики рельсы выкладывают, актёры возле буфета лясы точат – одним словом, все при деле.

Надел я, значит, костюм. Загримировался. Хожу, текст в голове повторяю, роль улучшаю. Вышагиваю туда-сюда вдоль вагончиков и замечаю, как две девушки-актрисы массовых сцен всё на меня поглядывают да улыбаются. Приятно, конечно, когда тобой барышни интересуются. Спорить не стану.

Головками своими кивают, мол: «Здрасти».

Я им тоже: «Бонжур – отвечаю».

Они улыбаются. Я тоже не отстаю.

Пока любезностями обменивались, режиссёр позвал к себе, чтобы поделиться, так сказать, видением сцены, которую снимать собирается.

Подхожу. С коллегами поздоровался и рядышком замер. Слушаю.

Любопытная картина вырисовывается. Тут и человеческие отношения есть, и драматургия, и глубина...

Начали читать и репетировать. По ходу пьесы режиссёр понимает, что у него сцена как-то не клеится. Помолчав, подумав, походив из стороны в сторону, решает пару моих реплик раскидать между другими персонажами. И правильно. История от этого только выиграла. Сцена стала хлёсткой, правдивой. Режиссёр, довольный, кивает головой и ладони потирает от удовольствия.

Получается кино-то.

Смотрю, девушки незаметно ближе подкрались и уже рядышком стоят. Хихикают да глазки мне строят. Я тоже, не будь дураком, даю понять, что мне приятно их общество.

Оператор тем временем руками нам машет, что всё, мол, готово, можно начинать снимать. Вышли на площадку. Пока мы ногами пробовали «развести» нашу историю, второй режиссёр актёрам массовых сцен объясняет, кто, куда и за кем должен в кадре идти. Гляжу, мои знакомые барышни рядом с нами очутились. Прогуливаются и улыбаются.

Сняли дубль. Сцена прямо-таки заиграла новыми красками. По-актёрски очень даже хороша. Режиссёр тоже остался доволен и для закрепления успеха отдал оставшиеся мои фразы главному герою.

Общественное, как говорится, выше личного.

Жаль только, что это были мои самые выигрышные реплики... Ну да ладно. Зато история, можно сказать, «задышала». Восхищаюсь, насколько тонко режиссёр чувствует материал.

Справедливости ради замечу, одну реплику он всё-таки оставил.

Мои поклонницы тоже одобрительно закивали и, продолжая мило хихикать, начали ещё ближе к нам подкрадываться. Поближе к камере. Барышни, что с них взять.

– Девушки! – вдруг позвал их режиссёр. – А ну-ка идите сюда.

Молодые особы быстро засеменяли на площадку.

– Вы же актрисы, правильно я понимаю? Хотите в эпизоде сняться?

Барышни зарделись, закудахтали и замотали головами.

– Ну вот и хорошо, – улыбнулся режиссёр. – Есть у меня одна идея, – прищурил он глаза, задумался и, обратившись ко мне, сказал: – У тебя в кадре очень выразительный взгляд, ты и без текста можешь всё сыграть. Давай-ка мы твою реплику насчёт кражи лучше вот этим красавицам отдадим. Так смешнее будет.

Сказано – сделано. Слово режиссёра – закон. Раскидали мою последнюю реплику между девушками. Ещё раз сняли сцену, уже по-новому.

Действительно смешно получается. Хорошая сцена в итоге вышла: смешная и трогательная одновременно.

Жаль только, что слов больше у меня не осталось совсем. Да и лица в кадре не видно. Вместо крупного плана теперь на общем стою. Дальше всех. Спинай к камере. Режиссёр посчитал меня настолько талантливым актёром, что сказал – я и спиной всё сыграю. Во как!

Всё отсняли. Все довольны. Можно и перекурить. Набравшись смелости, подхожу к барышням.

– Так, мол, и так, сударыни, давайте знакомиться.

Что повыше, заулыбалась и отвечает:

– Алёна.

«Ну, пошло дело», – думаю.

– Чего ты с ним разговариваешь? Он же массовка теперь. У него слов нет, – вдруг неожиданно одергивает свою подругу та, что пониже.

– Так и мы тоже, – засмушалась первая.

– Не. Мы не массовка. У нас текст есть. Мы теперь эпизодники!

Осень – удивительная пора...

25 октября 2021 г. (7529 Лето)

Есть Бог-то...

Между съёмками в актёрском вагончике мы частенько заводим разговоры на разные темы: о театральной жизни, о человеческих судьбах, о кинопремьерах. Бывает даже, и о политике...

Вот и в этот раз мы тоже зацепились языками. Неожиданно наша беседа зашла о Боге. Мои коллеги спорили, есть Он или нет. У меня сомнений в существовании огромной космической энергии уже давно нет. Поэтому я стоял снаружи, возле выхода. Молча слушал, облокотившись о стену. Греясь на солнышке, вспомнил разговор десятилетней давности со своим, тогда ещё живым, дедушкой.

Мы сидели у него на кухне за столом. Тогда я ещё не понимал закономерности бумеранга Вселенной, поэтому, неожиданно для самого себя, почему-то спросил:

– Как думаешь, есть Бог? А, дед?

Деда прищурил один глаз и улыбнулся.

Отправил в рот варёный картофель. Прожевав, подождал, пока он упадет в желудок. Запив компотом, крикнул:

– Мне тогда было, как тебе сейчас. Уже после войны. Снимали мы тогда дачу. Мамка твоя ещё махонькая была. Места там красивые. Речка. Лес. Отдыхай – не хочу. Да только скучно без дела сидеть. Утром проснешься и не знаешь, чем себя занять. Огород полил. Теплицу открыл. Дрова переколол. По грибы ходил. Вот и все дела. Все журналы за три дня перечитал. Сидишь, как памятник, на стуле, папиросой дымишь, комаров кормишь.

Подходит как-то ко мне сосед Мишка:

– Скучаешь?

– Да есть немного.

– Выпить хочешь?

– А кто ж, – говорю, – не хочет. Только не на что. Я человек семейный.

– Завтра пойдём с тобой за клюквой. Бери с собой мешок. Продадим – будут деньги. Вот и выпьем.

– Это можно. А мешка не мало будет?

– Хочешь выпить – бери мешок. А не хочешь – сиди дома.

Ну, я покумекал, чем дома-то сиднем сидеть, лучше уж по лесу погуляю.

Встретились мы рано поутру и побрели по дороге в лес. Я мешок через плечо перекинул и иду себе насвистываю, папироской дымлю. Свернули на тропинку. Заходим в чащу. Кругом кусты. Деревья. Трава по пояс. Пару километров прошли, смотрю, вот уже и болото. Ягоды красные на холмиках торчат. Можно и собирать. А Мишка всё идёт. Что-то выглядывает впереди. Не останавливается. Вдруг как запрыгнет на меня сверху и на землю валит. Рот зажимает. Мол, тихо!

Я лежу, глазами хлопаю. Ничего понять не могу. Пришли, что ли?

– Вон – бабы, видишь? – шепчет мне Мишка и в сторону головой кивает. – Бери мешок и на брюхе ползи за мной.

Ну, я мешок в зубы да за ним.словно на передовой, ползём между кочек. Он рукой сигнал сделал – остановились. Бабы кудахчут. Задницы на солнце греют. А в стороне мешки, уже наполненные ягодами. Мишка подкрался к ним, свой пустой мешок кладёт, чужой, с клюквой, цап, и назад, ко мне.

– Теперь ты.

Почесал я затылок – и к бабам. Мешки незаметно подменил и обратно незамеченным воротился.

Дома ягоды в вёдра пересыпали – и на базар. И на бутылку хватило. И на закусь. Ещё и семье осталось. Надо отметить.

Газетку постелили, колбаски с хлебушком нарезали, поллитра откупорили. Всё честь по чести. Сели. Выпили. Закусили. Потом, как полагается, еще за одной сбегали. К обеду мы с Мишкой уже по одному идти не могли. Всё с землей-матушкой встречались. Поэтому друг друга поддерживать приходилось...

Дед доел картошку:

– Спасибо, что не забываешь, – он прокашлялся и запил компотом.

Я глазами захопал и на него смотрю:

– А дальше? Это что – всё?

Отправив в рот селёдку, дед продолжал:

– Идём мы с Мишкой, чуть дыша, по улице, возле гастронома. Крик. Шум. Суета. Что такое? Мужики кричат. Бабы воют. Вдруг кто-то подбегает и колуном по голове мне – трах. Потом ещё разок...

Шибко нам тогда досталось. Хорошо, что Мишку признали. Остановились вовремя. А то до смерти забили бы. Обознался народ. За воров нас принял. Из продмага деньги украли, а мы под горячую руку подвернулись. Вот люди и подумали, что это мы. Без суда и следствия, как говорится.

Дед посмотрел в окно и вздохнул:

– Бог-то всё видит... За клюкву меня наказал.

Потом, улыбнувшись, подмигнул мне:

– А ты спрашиваешь – есть Он али нет Его...

6 августа 2020 г. (7528 Лето)

Александр Рогожкин

С днём рождения, Александр Владимирович!!!

Помню свою первую встречу с Рогожкиным. Это было летним днём 1998 года, когда Александр Владимирович собрал нас, молодых актёров, в небольшой комнате на студии «Ленфильм» и поинтересовался, кто служил в армии или хотя бы как-то знаком с армейской жизнью, ведь кино он собирался снимать про солдат. Его взору предстала одинокая рука Александра Иванова, утверждённого на роль сержанта «Боинга». Видимо, режиссер этого не ожидал, так как он опустил глаза на исписанные мелким почерком бумаги, разложенные на столе, и замолчал. На мгновение воцарилась мёртвая тишина. Подумав, Рогожкин решил отправить нас на две недели раньше остальных, чтобы мы загорели, «обфактурились», а заодно прошли курс «молодого бойца» под чутким руководством офицеров Майкопского СОБРа.

За что я лично ему отдельно благодарен, ибо мы научились стрелять не только из пистолета ТТ, но и из автомата Калашникова и его подствольника, а также из пулемёта Калашникова и снайперской винтовки СВД.

Мимо лица пролетел белый пластиковый стул. Это было первое, что я увидел, перешагнув порог отделения почты и оказавшись на свежем воздухе.

Прижавшись спинами к стене здания и пытаясь незаметно просочиться так, чтобы нас не заметили, мы наблюдали большую массовую драку, в которой горячие молодые кавказские парни, переворачивая столы летнего кафе, методично лупцевали ими друг друга по головам, решая таким образом возникшее лёгкое недопонимание, игнорируя возможность прибегнуть к интеллектуальной беседе. Почему-то в этот момент я вспомнил слова режиссёра, сказанные нам накануне:

– Ребята, главное – берегите свои лица. Вы ими работаете...

Вот так начался мой путь в большое кино в картине «Блокпост» у Александра Владимировича Рогожкина.

Он мало нам что-то объяснял. Кто мы? Что мы? Кто наши персонажи? Почему здесь так, а не иначе?

Он вообще мало говорил. Больше просто показывал, как надо. Именно поэтому мы, тогда ещё молодые актеры, недавно выпустившиеся из театрального вуза, у которых энергия выплёскивалась через край, а кровь бурлила в жилах, жаждали помочь Александру Владимировичу улучшить свою роль, сцену, а заодно и весь фильм. Рогожкин очень мягкий и воспитанный человек. Ему было не просто каждый раз нам отказывать. Поэтому все наши «приносы» сначала удивляли его, потом забавляли, а после двух месяцев экспедиции он уже не знал, как нам дать понять, что не надо ничего предлагать. Ему не хотелось нас обижать.

В конце концов он нашёл выход.

Когда к нему обратился мой друг Кирилл Ульянов, игравший в фильме «Юриста», с очередным предложением улучшить сцену, а именно остановиться с пустым бидоном и посмотреть на горы, Александр Владимирович вздохнул и, кашлянув в кулак, тихо произнёс:

– Хорошо. Задержитесь.

Затем развернулся к оператору Андрею Жеганову и тихо добавил:

– Я всё равно это вырежу...

Лишь однажды он остановил съёмочный процесс и около получаса ходил по дороге с Егором Томашевским («Халявой»), объясняя ему, что должно получиться в сцене, заглядывая ему в глаза и каждый раз повторяя:

– Егор, Вы понимаете?

На протяжении всего фильма наши герои должны были играть в карты. В сценарии это был преферанс. На этом строился один из сюжетов фильма. Сразу же после прилёта Александр

Владимирович собрал нас всех у себя в номере и рьяно взялся за обучение. В течение нескольких дней с хирургической точностью и скрупулезностью он объяснял правила, смотря в наши незамутнённые пустые глаза, пытаясь донести нюансы игры. Мы же, словно мартышки перед удавом, кивали головами, скрипели своими мозгами, пытаюсь разобраться в «пульке» и «горе», делая вид, что всё понимаем. Но как только доходило до игры, хлопали глазами, судорожно вспоминая, о чём только что говорил режиссёр. Видя всю безысходность ситуации, Рогожкин сжалился над нами и через неделю решил поменять преферанс на игру, не требующую столь большого умственного напряжения. Дело сразу пошло на лад, и он вздохнул с облегчением.

Во время сцены, где участвовали колоритные милые актрисы Майкопского театра, Александр Владимирович молча подошёл к женщинам и что-то шепнул им. Буквально пару слов. Что именно, разобрать было нельзя, но как только раздалась команда: «Камера», «Мотор», «Начали», актрисы в мгновение ока перевоплотились из мягких женщин в один большой поток злости и ненависти, сметая своей энергией всех на своём пути. Для нас это было полной неожиданностью, и мы по-настоящему струхнули и растерялись. Они расталкивали нас в стороны, расчищая себе дорогу, намереваясь учинить самосуд. Это было очень страшно. И лишь внезапный грохот автоматных очередей заставил их остановиться. Выстрелы тоже, кстати, была идея Рогожкина.

Когда мой герой «Крыса» в очередной раз проиграл в карты и, чтобы уплатить долг, должен был выйти на боевой пост абсолютно голым, Александр Владимирович очень аккуратно и осторожно, подбирая слова, дабы не обидеть, спросил:

– Денис, Вы раздеться сможете?

И когда я ответил, что смогу, облегчённо вздохнул. Оно и понятно. Ведь это тоже было частью сюжета. И, к тому же, кроме моих коллег ребят, всё естество увидят девушки-корреспондентки, для которых это будет откровением. Так, в общем, и получилось. В кадре хорошо видно, что девушки слегка были ошеломлены таким поворотом. Ведь их, понятное дело, никто не предупреждал...

Вот уже несколько лет я размышляю над одним и тем же вопросом: почему один режиссёр тщательно и кропотливо выстраивает кадр, много работает с актёрами, добиваясь нужного результата, предлагает интересное решение сцены, а в итоге фильм тебя не цепляет? Ничего внутри не откликается. Как-то всё пресно.

Другой же, напротив, ничего не объясняет, просто покажет, откудаю выйти и куда сесть, не говоря ни слова ни о твоём герое, ни о сцене. Но, глядя на экран, ты вдруг осознаешь, что кино уже не отпускает. Вроде ничего особенного не происходит, но оно остаётся в твоей памяти надолго.

Александр Владимирович Рогожкин для меня именно такой режиссёр. Как он это делает, до сих пор для меня остаётся загадкой. Возможно, его сценарии настолько точны, что тебе нужно просто встать в нужное место и сказать вовремя текст, и сцена сама заиграет...

Его фильмы цепляют и по сей день. В них есть что-то узнаваемое. Родное. Близкое. «Чекист». «Особенности национальной охоты». «Блокпост». «Кукушка»...

3 октября 2021 – 7528

С днем кино

С днём кино!!!

Тогда, в далёком тысяча девятьсот восемьдесят втором году, когда Розалия Ивановна, супруга известного советского актёра Павла Петровича Кадочникова, остановила нас с отцом на Кировском проспекте возле гремевшей на весь Союз киностудии «Ленфильм» и, поздоровавшись, внимательно посмотрев на меня, пятилетнего мальчишку, вдруг неожиданно предложила сняться в кино, я сильно испугался и отрицательно замотал головой. Ибо был абсолютно уверен в том, что всё придётся делать самому и я не справлюсь. Ведь любой фильм, который смотрел, получается только благодаря актёрам. А как иначе? Кроме них ведь, на экране больше никого нет.

Теперь, конечно, сидя на скамейке внутри дворика этой легендарной студии, я знаю, что это совершенно не так. Ведь актёр – это всего лишь верхушка айсберга. Огромное количество людей трудится, прикладывая усилия, чтобы актёры могли настроиться, подготовиться и точно сыграть сцену в кадре.

Повторяя текст, не заметил, как подошёл коллега. Поздоровавшись, он расположился рядом. Оказалось, что мы снимаемся в одной сцене.

Перекинувшись общими фразами, мы замолчали.

Неожиданно мой знакомый принялся брюзжать о том, что он уже час как болтается по студии, что его слишком рано вызвали, что приходится париться в этом костюме, что ему неудобно и некомфортно. Почему его уже не посадят в машину и не отвезут на площадку?

Это было несколько неожиданно. Практически любая съёмка состоит из ожидания. Уж он-то должен это знать.

Облачённый в шерстяной камзол и поправляя упавшие на глаза пряди парика, я старался не обращать внимания на его ворчание.

Однако он не унимался. Время шло, выезд задерживали, нас не звали, и его это явно выводило из себя. Он продолжал злиться, постоянно ругаясь, бубня и хая всех вокруг.

Понимая, что он не собирается успокаиваться, я попытался перевести разговор в другое русло. Но мне это не удалось. Наоборот, его недовольство только увеличивалось. Через несколько минут наша беседа переросла в разгорячённый спор.

– Десятки людей работают над тем, чтобы мы, актёры, могли спокойно сосредоточиться на сцене, повторить текст, ещё раз всё отрепетировать и выдать в кадре всё, чему нас учили. Ради этого можно и потерпеть, – говорил я. – Как можно этого не понимать?

Чтобы доказать, как нам повезло, даже рассказал случай, как работал на одной картине. Бюджет там был очень маленький, и мне приходилось совмещать несколько должностей. В течение двух месяцев я привозил и отвозил на машине директора и режиссёра на площадку, по пути успевая забрать камеру и решить вопрос с местом для съёмочного каравана. Встречал актёров у метро и возвращал их в конце смены обратно. Подписывал в районных администрациях договора на разрешение съёмок, не забывая согласовать параллельно обед для группы и привезти его. Я уже не говорю о мелких обязанностях, таких как перекрытие движения транспорта во время съёмок и отслеживание наличия в буфете воды, чая и печенек. Короче, дурдом. И как же здорово, что мы сейчас можем просто сидеть на скамейке и готовиться к сцене.

Мои аргументы никак не подействовали на коллегу. Он завёлся ещё больше, доказывая, что так и должно быть, что все люди в кино работают только для того, чтобы актёры хорошо играли. Ведь благодаря актёрам делается фильм.

Раскрыв рот, я смотрел на него, оцепенев от такой глупости. Не мог поверить, что взрослый человек может всерьёз так думать. Ведь он уже не первый год в кино.

Неожиданно перед нами со стаканчиком кофе в руках непонятно откуда появилась девушка – ассистент по актёрам. И тут я сообразил, что она стоит здесь уже какое-то время. Боже мой, она ведь всё слышала! Какой кошмар! Я готов был от стыда провалиться сквозь землю. Девушка улыбнулась, молча, как ни в чём не бывало, протянула моему знакомому горячий кофе и пригласила нас сесть в автомобиль. Как по взмаху волшебной палочки вся спесь и злость у мужчины улетучилась. Он взял стаканчик, улыбнулся и зашагал к машине.

Я молча проводил его взглядом, не в силах подняться.

Мне было стыдно. Стыдно за него. За себя. За своих коллег, думающих так же.

Эта скромная добрая девушка в очередной раз показала, что актёры – это всего лишь верхушка айсберга. Его часть. Талантливая, яркая, необыкновенная, но далеко не всегда самая лучшая его часть...

Дорогие сценаристы, водители, повара, ассистенты, звукорежиссёры, режиссёры монтажа и озвучания, «светики», операторы, ассистенты по актёрам, каскадёры, рабочие, администраторы, кастинг-директора, фотографы, агенты, гримёры, дольщики, костюмеры, режиссёры, продюсеры и директора!

Все те, без кого ни одно кино не родилось бы. Не срослось. Не вышло. Только благодаря всем вам без исключения, вашей заботе, вниманию, самоотдаче, юмору и самое главное, профессионализму у нас, актёров, что-то получается.

С днём кино вас!!!

27 августа 2021 г. (7529 Лето)

Дедушка Мороз

Киностудия работала в обычном режиме. Лишь редкие блестящие шарики и гирлянды на дверях напоминали о приближении Нового года. Я брёл мимо бесконечных комнат, погружённый в свои мысли. Надо было сосредоточиться на предстоящих пробах, а вместо этого голова разрывалась из-за одной только мысли, застрявшей, словно заноза: как сдать свою квартиру в Питере, чтобы перевезти, наконец-то, семью сюда, в Москву. Но на данный момент всё было тщетно. За две недели вывешенного объявления в Интернете лишь один просмотр и пару звонков...

Неожиданно из-за угла выскочил мужчина и с размаху налетел на меня. Поправив распахнутый халат, он извинился и скрылся за соседней дверью, держа в руках белую бороду. Это был Дедушка Мороз, бежавший после съёмки. Я проводил его взглядом и вздохнул: вот бы сейчас, как в детстве, загадать желание и больше ни о чём не думать. А славный старичок непременно его исполнит...

После небольших скитаний по коридорам студии я наконец нашёл нужный офис.

– Здравствуйте. Проходите. – Навстречу мне из-за стола поднялся молодой опрятный мужчина и протянул руку. – Вы, не поверите. – Его глаза заблестели. – Несколько недель назад в Интернете я увидел фотографию одного знакомого актёра. Он снимается у меня сейчас в одном проекте. Рядом с ним было Ваше лицо. Я тут же для себя отметил Вас и сохранил это фото в отдельный файл, чтобы потом найти координаты. Я так всегда делаю, когда кто-то из актёров меня заинтересует. Кстати, хотите кофе? Я как раз приготовил.

Я кивнул и повесил куртку на вешалку.

Молодой человек протянул мне чашку.

Расположившись на диване, я сделал небольшой глоток.

– И вот вам пожалуйста! Вы здесь! – Он сиял. – Мистика! Я только подумал, здорово было бы найти какие-то Ваши координаты, а вместо этого Вы являетесь ко мне живьём! Удивительное совпадение!

Он протянул свой телефон.

– Вот эта фотография.

На меня смотрели два заросших, бородатых мужика в строительных касках.

Улыбнувшись, я вспомнил, как летом сделал этот снимок на съёмках в Карелии. Да, действительно интересная история.

– Просто подумали?

Вопрос был идиотским.

Мой собеседник снова улыбнулся:

– Да. Просто подумал. Попросил, и Вы пришли.

Я уже собрался сделать ещё глоток, но застыл:

– Кого попросили?

Мой растерянный вид его насмешил.

– Не знаю... Да никого конкретно. Так... Просто подумал про себя: хорошо бы Вас найти... – Он убрал телефон в карман. – В конце концов, ведь скоро Новый год! Может, это Дедушка Мороз проявился и исполнил моё желание.

Я допил кофе, поставил чашку на стол и вздохнул:

– Надо было Вам машину попросить. Сейчас бы на машине ездили...

Он снова засмеялся:

– Машина у меня и так есть!

Мы направились в отдельную комнату записывать видеовизитку и делать пробы.

Уже позже, прощаясь в дверях, я зачем-то сказал:

– Мы, кстати, с этим актёром с фотографии сейчас квартиру вместе снимаем.

Выйдя в коридор, застегнул молнию на куртке. Посмотрев вдруг почему-то на железобетонные перекрытия на потолке, неожиданно подумал: «Дедушка Мороз, пожалуйста, сделай так, чтобы нашлись люди, которые снимут нашу двушку и я наконец-то перевезу своих девочек в Москву».

Не знаю, сработало ли объявление в Интернете или Дедушка Мороз и вправду пошаманил, но через несколько недель я уже, сдав нашу квартиру в Питере, грузил вещи для переезда...

25 декабря 2020г. (7528 Лето)

Хвалите актеров, хвалите...

Много ли нужно нашему брату актёру? Чуть похвалили, выделили твою значимость – и всё, ты уже, открылённый, паришь в облаках...

Помню, как лет десять назад незнакомый женский голос послышался из трубки моего телефона:

– Здравствуйте. Меня зовут Мария. Я – кастинг-директор картины «...». Мы хотели бы вас пригласить с нами поработать. Мы очень долго ищем актёра на эту роль, а съёмочный процесс уже идёт. Нам нужен яркий, сильный, характерный актёр. Способный с первых же секунд расположить к себе зрителя. Мы были бы Вам очень признательны, если бы Вы согласились. К тому же это кино снимает хороший режиссёр. И, кстати, Вашими партнёрами в сцене будут известные московские артисты. Пожалуйста, выручите нас.

Скажу честно, что после такой речи я несколько опешил. Не каждый день звонят кастинг-директора и выкладывают столько комплиментов в мой адрес. Мои бровки слегка поползли вверх, а лицо приобрело умильное выражение. Спина неожиданно распрямилась, к горлу подступил ком, а на глаза накатила скупая мужская слеза.

«Вот оно – признание. Наконец-то!» – промелькнула мысль в моей голове, и нижняя губа слегка выпятилась вперёд.

– Ваш герой возник несколько неожиданно, – продолжала девушка. – В ходе переписывания сценария. Но без него невозможно дальнейшее развитие сюжета. Ваш герой – это ключевая роль. На нём держится весь сюжет фильма.

После таких слов отказываться было нельзя. Предстояла большая актёрская работа.

В назначенный день я явился на площадку. На меня надевают костюм. Гриммируют. И ведут к режиссёру. Вспоминая все слова, сказанные мне по телефону, я несколько вальжен. Он, в свою очередь, оглядывает меня с головы до ног цепким, расчётливым взглядом, который бывает только у режиссёров и следователей, и утвердительно кивает.

Я попытался хотя бы в общих чертах узнать о сюжетной линии своего героя. Вместо объяснений он напустил на себя загадочный вид и многозначительно покачал головой.

Кое-что мне всё-таки удалось выяснить. Всё действие происходит на нашей военной подводной лодке. В машинном отделении происходит поломка. Вызывают специалистов с берега. Затем случается загадочное убийство. И во всех этих тайнах мне отведена ключевая роль.

Начали снимать мою сцену. Все приготовления были закончены. Площадка готова к съёмке. Я окинул взглядом своих коллег по кадру. Среди них не было ни одного из перечисленных по телефону московских актёров. На мой вопрос у ассистентов, где же они, получил ответ, что все они будут в других сценах. Снимали, как наша группа залезает внутрь лодки. Общий план без слов. Сняли быстро, за два дубля.

Следующий кадр – панорама моря и наш подъезд на катере. Снова обошлось без слов и московских артистов.

И вот, наконец, главная сцена съёмочного дня – само убийство.

Я снова подошёл к режиссёру в надежде узнать, кто мой персонаж и что мне надо делать в этой сцене. Режиссёр снова многозначительно помолчал. Потом, приобняв меня, отвёл в сторону и в течение получаса стал рассказывать о всех перипетиях современного кинематографа. Единственное, что мне удалось выяснить, так это то, что мне не стоит волноваться за свою роль. Ведь я хороший актёр.

Выставили свет. Настроили камеру. Поправили костюм, грим. Чувствую, как мандраж побежал по моему телу. Ещё мгновение – и я останусь в вечности кинематографа...

Неожиданно меня укладывают на железный пол между двух труб, а на лбу рисуют пулевое ранение. Вот она – моя ключевая роль. Роль трупа. Такого погружения в зерно роли я ещё не испытывал...

Текста, конечно же, у меня и в этой сцене не было. Московские артисты, как потом выяснилось, снимались в совсем других проектах. А деньги за эту судьбоносную роль я получил спустя три месяца.

Хвалите актёров. Ведь тогда они органично могут сыграть даже декорацию...

13 июля 2020 г. (7528 Лето)

Кофе

Недавно я снимался в роли уголовного. Сажу в грим вагоне, смотрю, как мне накладки «набивают». Одна рука на столе лежит, по ней карандаш художника кружева выписывает, а другая пластиковый стаканчик с кофе держит. Вдыхаю ароматы, а сам вспоминаю одну историю, которая со мной несколько лет назад произошла.

Случилась она тоже весной. Выдался у меня тогда свободный денёк. Дел никаких не было. Только вечером спектакль. Лежу, нежусь в постельке. Хорошо. Птички щебечут за окном, солнышко греет. Благодать, да и только. И так захотелось чашечку кофе, что аж скулы сводит. Подымаюсь. Потягиваюсь. Не торопясь направляюсь к чайнику... Вдруг звонок. Так, мол, и так, не хотите ли сегодня в кино сняться? А почему, думаю, нет. Я хороших перспектив никогда не супротив. Да и денежки тоже не помешают. «Ладно, – говорю. – Чего не сняться-то. Только у меня ограничение по времени – вечером спектакль. «Не извольте беспокоиться, – отвечают, – сцена маленькая, успеете. Только нужно быть через полчаса»

Ладно. Собрался. Приехал. Смотрю по сторонам, буфет ищу. Только к палаточке с кипяточком направился, как меня под белые рученьки и в костюмерку. Одели. Обули. И на грим отправили. Там в кресло усадили. Причесали. Припудрили. Принялись на пальцах синие перстни рисовать. Я тогда тоже уголовного играл.

Приносят текст. Мать честная, да там аж целых два листа диалога. Надо сказать, что текст я учу очень тяжело, долго и нудно. Сажу. Зубрю, пока камеру носят да свет выставляют. В голове каша. Общий смысл, конечно, понятен. Но только общий.

Свет выставили, сцену отрепетировали. Все готовы. Я тоже приготовился. Встал, где положено, жду команды. Слышу: «мотор», «камера», «начали».

Потря, вошёл в кадр. Сел. Со «стеклянным» глазом, сажу, «роль проживаю». Кое-как сцену отыграл (близко к тексту, конечно). Сняли еще дубль. Потом еще. Смотрю на часы. Вроде бы успеваю на спектакль. Можно передохнуть. Да и кофе наконец-то выпить. Я к буфету, а меня обратно. Общую сцену снимают. Там весь «сходняк». Народу много. Человек двадцать. И у всех, как положено: на пальцах перстни, на грудях купола. Все честь по чести. Провозились с той сценой долго. И вот наконец-то долгожданная команда – «Снято». Всё! Всех отсняли. Всё сказали. По сценарию это последняя сцена. Пулей лечу снимать костюм и смывать грим. А меня обратно возвращают. Ничего не понимаю. Объясняю, что у меня спектакль, времени уже нет. Мне в ответ суют какие-то листы. Думал, это договор на подпись. Оказалось, новый текст.

– Эту же сцену, только по «фене», – просит режиссёр. То есть на воровском языке.

Отнекиваюсь, как могу:

– У меня спектакль через час.

Режиссер меня приобнял и говорит:

– Ты же хороший актер. Пару минут – и все. Выручай. Я тебе свою машину дам. Долетишь за пять минут.

Ладно. Беру листы. Начинаю читать. И понимаю, что не то что выучить, даже произнести написанное нормально не могу. Дело дрянь. Стал зубрить. Не помогает. Как будто китайский талдычу.

Начали снимать.

Дым. «Мотор». «Камера». «Начали».

Сердце стучит. Руки трясутся. Вошел в кадр. Сел. Свой текст играю, чужой на ум мотаю.

– Стоп.

– Ну?

– Дубль.

Снова дым, «мотор», «камера», «начали».

Вошел. Сел. Главное, свои фразы не забыть. Не забыл. Чую – пошло. С партнером зацепился. В глазах мысль. Хорошо идёт.

– Стоп.

– Ну?

Дубль. Батарея на камере села. Ох, ядрён батон. Кино, понимаешь...

Снова дым. «Мотор». «Камера». «Начали».

Вошел. Сел. Здесь отыграл, там паузу выдержал, тут с партнёром «зацепился». Лучше уже не будет.

– Стоп.

Теперь точно всё.

– Вы шутите? Как фокуса не было?

Гляжу, а времени уже нет. Спектакль через сорок минут. Взмолился. Заскулил. Все забегали. Засуетились.

«Мотор». «Камера». «Начали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.